

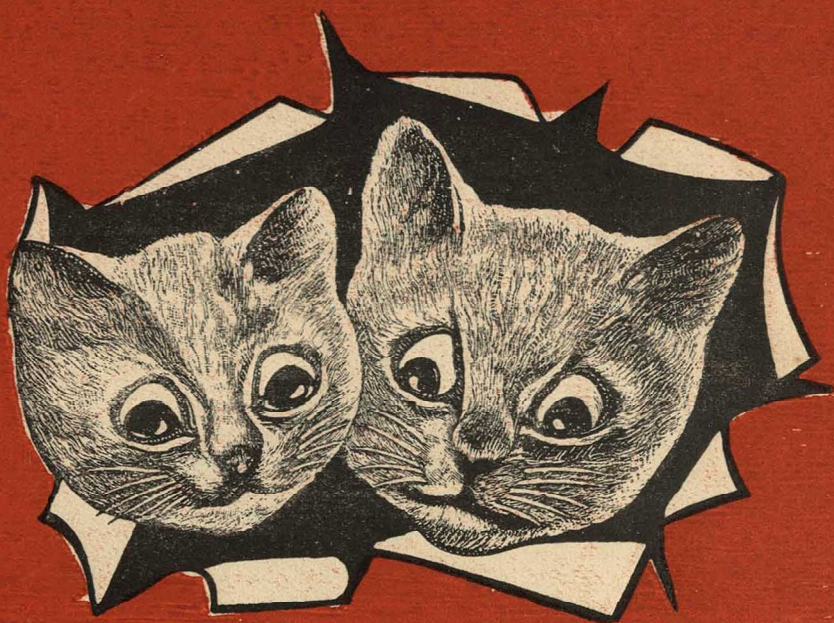
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотени городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

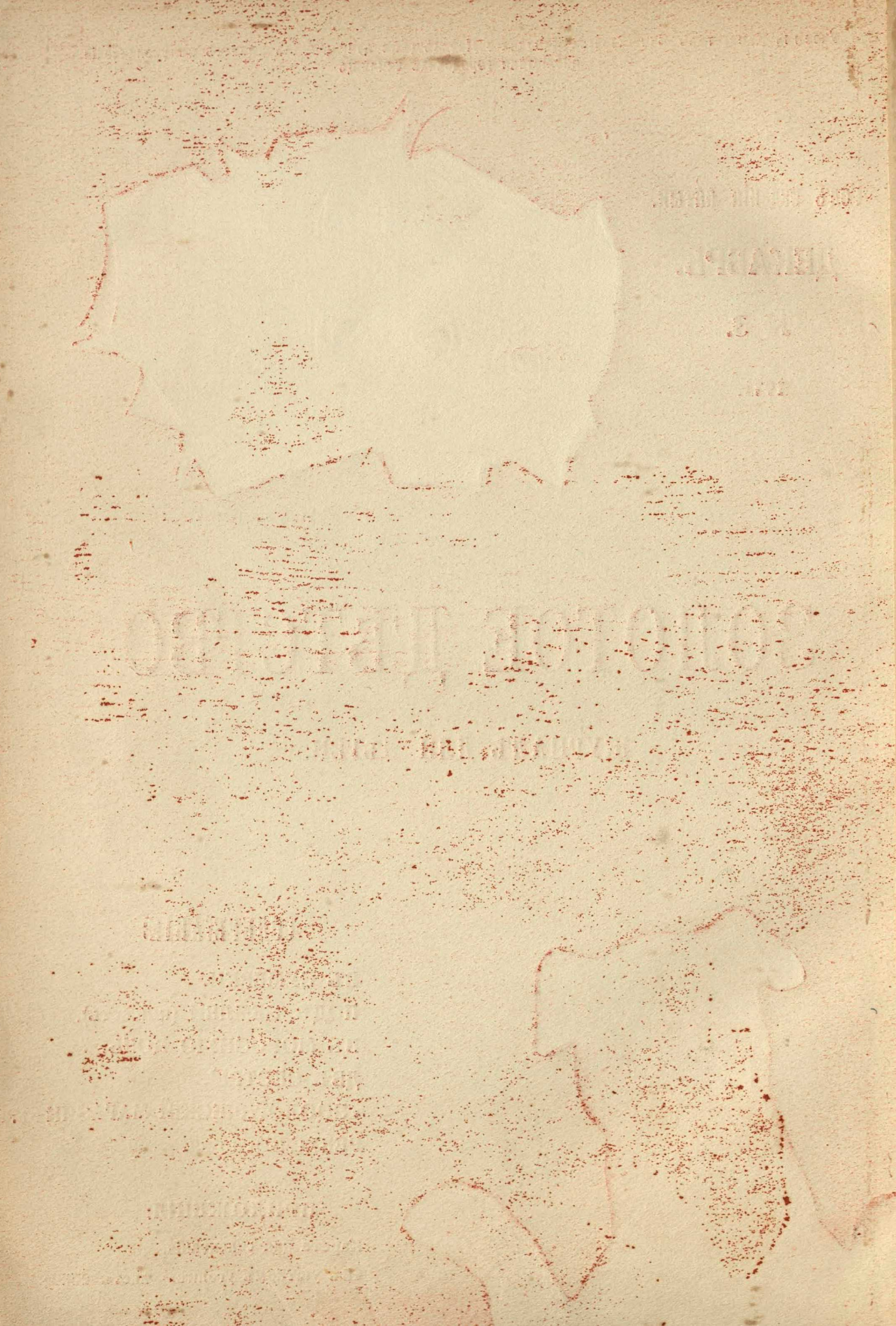
СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ СУМЕРКИ.
ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ (повѣсть).
ВЪ МОРОЗНУЮ НОЧЬ.
ДВѢ СЕСТРЫ.
«ЗООЛОГИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ».
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Карета для склеиванія.
«Въ уютномъ уголкѣ»—листь 2-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Гнѣздышко въ выдолбленной тыквѣ.

ВЪ СУМЕРКИ.

Зима покрыла весь нашъ садъ
Ковромъ блистающихъ снѣжинокъ.
Съ карнизовъ, съ крышъ кругомъ
висятъ

Ряды прозрачныхъ тонкихъ льди-
нокъ.

Блестящій иней межъ вѣтвей
Развѣсилъ бѣлыя волокна,—
Морозъ стучится у дверей
И разукрасилъ наши окна.
Въ заиндевѣвшее стекло
Уже не видно больше парка,
Но въ дѣтской ласково, тепло,
И печь истоплена такъ жарко.

Мелькаетъ тѣнью подвижной
Неровный, слабый свѣтъ лампадки
И дѣти шепчуть межъ собой
О томъ, что имъ дадутъ на святки:

— „Мнѣ барабанъ и паровозъ.
А мнѣ фарфоровыхъ собачекъ.
А мнѣ чтобъ дѣдушка-Морозъ
Принесъ для куклы красный мя-
чикъ“.

Мечтаютъ дѣти въ тишинѣ
И ярче звѣздъ горятъ ихъ взоры...
Морозъ украдкой на окнѣ
Выводитъ хитрые узоры.

Е. Селунская.

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Прошелъ мѣсяць.
Однажды вечеромъ, когда Володя
былъ дома, къ нему неожиданно
зашла Маруся съ своей гувернант-
кой. Съ ней, конечно, былъ и
Волчекъ. Онъ былъ на привязи,
тянулъ изъ всѣхъ силъ и старался,
хотя и тщетно, перервать ошей-
никъ или цѣпь.

Очень печальная, но съ видомъ
рѣшимости, дѣвочка вела собаку

назадъ къ ея прежнему хо-
зяину.

— Возьми его себѣ назадъ! об-
ратилась она къ Володѣ.—Онъ все
время рвется къ тебѣ и воетъ, а
держатъ его на цѣпи я не могу.
Онъ такъ скучаетъ по тебѣ, что
пересталъ ѣсть. Смотри, какъ онъ
уже похудѣлъ! Я не могу заставить
его быть мнѣ вѣрнымъ...

Почувствовавъ себя у своего хо-

зяина, Волчекъ завертѣлся около его ногъ и заскулилъ, а Володя такъ обрадовался, что въ первую минуту не могъ даже говорить.

— Но вѣдь вамъ жаль расставаться съ нимъ!.. попробоваль-было онъ возразить. — Подержите его у себя еще немного: быть можетъ, онъ еще и привыкнетъ къ вамъ...

— Нѣтъ, отвѣтила она.—Онъ не любитъ меня. Все равно онъ рано или поздно убѣжитъ къ тебѣ опять.

Въ это время подъ столомъ каркнула сорока и сказала:

— Здравствуйте вамъ, пожалуйста!

Маруся позабыла о своемъ горѣ и прислушалась.

— Это у васъ попугай? спросила она.

— Нѣтъ, барышня, отвѣтила Наталія Ивановна, — это простая сорока!

И чтобы хоть чѣмъ-нибудь поблагодарить директора за опредѣленіе Володи на службу и за тѣ указанія, которыя дѣлаетъ ему самъ инженеръ, — она протянула сороку къ Марусѣ.

— Возьмите ее себѣ! предложила она.—Быть можетъ, она вамъ понравится больше, чѣмъ Волчекъ! Ее зовутъ Пулька!

Она посадила сороку къ себѣ на палець.

Дѣвчкѣ хотѣлось взять сороку, отнести ее скорѣе домой, но чувство врожденной деликатности

одержало надъ нею верхъ и она сдѣлала реверансъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ... отвѣтила она.—Мерси! Зачѣмъ-же васъ ея лишать!

— Возьмите, возьмите! повторила Наталія Ивановна.

Любившая животныхъ вообще, дѣвочка не чувствовала отъ радости подъ собою ногъ. Она схватила сороку, прижала ее къ своей груди, стала ее ласкать, гладить, говорить ей нѣжныя слова.

— Теперь ты — моя, говорила она,—я никому на свѣтѣ тебя не отдамъ! Мы будемъ съ тобою играть и, глядя на насъ, папа будетъ смѣяться... Какъ я рада, что ты теперь у меня!

И, спохватившись, какъ-бы не подумали, что она ожидала этого подарка, она перевела поскорѣе разговоръ на другую тему и спросила Володю:

— Ты доволенъ своей работой? Нравится тебѣ въ рудникѣ?

— Да, искренно отвѣтилъ онъ.— Я уже привыкъ.

— Ты, кажется, погонщикъ? Ты отвозишь уголь на лошади?

— Да. У насъ много лошадей.

— А онѣ очень скучаютъ, что не видятъ свѣта никогда?

— Не знаю... Но всѣ наши лошади сыты и у всѣхъ гладкая, лоснящаяся шерсть. Вѣроятно, онѣ не сознаютъ, что находятся подъ землей. Вѣдь ихъ туда спускаютъ, когда онѣ еще бываютъ очень мо-

лоды. Мою лошадку зовутъ „Кубарикъ“ и она уже меня узнаетъ и всякій разъ, какъ я прихожу къ ней по утрамъ, она радостно ржетъ. Она уже двѣнадцать лѣтъ находится подъ землей и умна, какъ человѣкъ. Она умна до того, что даже сама отворяетъ двери, которыя ведутъ изъ галлерей въ галлерей.

Дѣвочка мечтательно поглядѣла въ окно.

— Я попрошу у папы позволенія, сказала она,—чтобы онъ отпустилъ меня въ шахты хоть разъ..

— Вы?!. Въ шахты?! удивился Володя.—Вамъ папа не позволитъ этого никогда!

— Нѣтъ, позволитъ! Онъ не отказываетъ мнѣ ни въ чемъ, если я ласково его попрошу!

Затѣмъ она простилась съ Натальей Ивановной и Володей, по-

— Возьмите ее себѣ!

цѣловала Анюту, потрясла за лапку Волчка и отправилась къ себѣ домой. Послѣ ея ухода Володя бросился къ своей собакѣ и принялся ее ласкать и прижимать къ себѣ.

— Волчокъ! говорилъ онъ,—милая моя, дорогая собака! Теперь ужъ мы не разстанемся съ тобой никогда!

А Волчокъ вилялъ отъ радости хвостомъ, визжалъ и лизалъ ему руки и лицо, точно хотѣлъ этимъ сказать:

— Да, да, я не брошу тебя никогда! Я послѣдую за тобой хоть на край свѣта и готовъ за тебя умереть. Что-бы ни случилось, я теперь всегда буду при тебѣ!

На слѣдующій день въ шахтахъ нашли издохшей одну изъ лошадей. Ее уложили въ вагонетку, помѣстили въ подъемную машину и подняли на свѣтъ. Свѣтило яркое солнце, но она уже не могла его видѣть, и такъ и умерла во тьмѣ. Въмѣсто нея привели другую лошадку и поставили ее на площадку подъемной машины, чтобы спустить ее внизъ. Чтобы она не брыкалась, вызвали изъ шахты Володю и приказали ему держать ее подъ уздцы. Это было въ десять часовъ утра. Выйдя изъ подъ земли на воздухъ, онъ увидѣлъ около подъемной машины самого директора и инженера. Директоръ держалъ за руку Марусю. Завидѣвъ Володю, она подбѣжала къ нему и схватила его за руку.

— Бѣдная лошадка! воскликнула она.—Какъ мнѣ ее жаль! Теперь она уже не увидитъ солнца больше никогда!

И она стала ласково похлопывать лошадку по шеѣ.

— Какъ ее зовутъ? спросила она.

— Какъ ее зовутъ? переспросилъ и директоръ.

— Пѣтушокъ! отвѣтилъ кто-то изъ рабочихъ.

— Бѣдный Пѣтушокъ! воскликнула Маруся.—Тебя сейчасъ спустятъ подъ землю и ты тамъ останешься на всегда!..

И вдругъ глаза ея вспыхнули и лицо освѣтилось улыбкой.

— Ты покажешь мнѣ тамъ все? обратилась она къ Володѣ.

Онъ хотѣлъ ей отвѣтить, но къ нему подошелъ инженеръ и сказалъ:

— Тобою очень довольны! Это хорошо! Мнѣ уже говорили о тебѣ не разъ. Но посѣщаешь-ли ты школу?

— Каждый вечеръ, отвѣтилъ Володя.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ приходи сегодня ко мнѣ и я проэкзаменую тебя самъ.

Володя поклонился и, довольный, отошелъ къ сторонѣ.

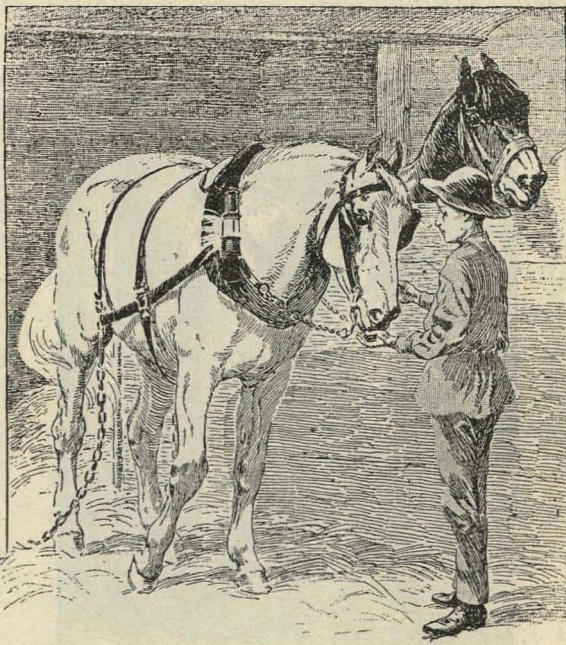
— Готово! крикнулъ мастеръ, когда лошадь была уже спутана и помѣщена въ клѣтку подъемной машины.

Володя тоже вошелъ въ клѣтку, взялъ лошадь подъ уздечку и приготовился спускаться внизъ.

— И я съ тобой! И я! вдругъ воскликнула Маруся.

Отецъ хотѣлъ было ей возразить, не пустить ее, но она бросилась къ нему на шею и онъ не могъ ей отказать. Она вскочила въ клѣтку къ Володѣ и вдругъ почувствовала, какъ съ невѣроятной быстротой стала спускаться внизъ.

Когда машина остановилась и подбѣжавшій рабочій вывелъ лошадь изъ клѣтки, Володя взялъ Марусю за руку, поднялъ кверху свою лампочку и повелъ ее по галлереямъ и по корридорамъ. Она храбрилась и въ то же время дрожала, но, видя, какъ онъ увѣренно шелъ все впередъ и впередъ, она вскорѣ успокоилась и на все

Вѣроятно, онѣ не сознають, что находятся подъ землей.

смотрѣла большими, полными удивленія, глазами.

Увидѣвъ дочь директора, такъ глубоко подѣ землю, довѣренную Володѣ, рабочіе почтительно снимали передъ нею шапки и съ удивленіемъ поглядывали на мальчугана. А онъ велъ ее съ такимъ видомъ, будто бы прожилъ въ шахтѣ уже цѣлые года.

Съ этихъ поръ Маруся стала часто спускаться подѣ землю, чтобы приласкать лишній разъ Пѣтушка и дать ему кусочекъ сахару. И всякій разъ ее сопровождалъ туда Володя. Она подружилась съ нимъ и съ его семьей и каждый праздникъ затѣмъ стала приходить къ Натальѣ Ивановнѣ и играть съ Анютой. Обѣ дѣвочки вмѣстѣ съ Володей ходили далеко гулять и

вмѣстѣ съ ними съ радостнымъ лаемъ бѣгали также и Волчокъ.

Одинокая, единственная дочь у своего отца, Маруся привязалась къ семьѣ углекопа и стала часто ее посѣщать. Сначала это смущало директора и онъ ее не пускалъ, но потомъ, увидѣвъ, какъ это ее печалило и какъ она становилась грустна, махнулъ рукой и предоставилъ ей полную свободу.

„Пусть ходитъ къ нимъ!“ рѣшилъ онъ.—„Кажется, это очень порядочная семья!“

И дѣти сдружились такъ, что ихъ можно было принять за родныхъ.

Прошелъ годъ. Много воды утекло за это время и многое измѣнилось и въ жизни Володи. Онъ работалъ изъ всѣхъ силъ, старался заслужить всеобщее довѣріе, его хвалили и полюбили, но въ то же время ему пришлось и пережить много тяжелыхъ минутъ: цѣлые часы ему приходилось проводить въ согнутомъ положеніи, онъ до крови разбивалъ себѣ голову объ острые выступы въ потолкѣ, и часто ранилъ себѣ ноги и колѣнки, хотя довольно быстро привыкъ къ темнотѣ и угольной пыли. Всегда аккуратный, всегда точный и исполнительный, онъ скоро завоевалъ себѣ въ шахтѣ всеобщее расположеніе; всѣ удивлялись его выносливости и энергіи. Никто не нагружалъ вагонетку углемъ такъ быстро, какъ онъ,

Она храбрилась и въ то же время дрожала.

никто не вывозилъ ее съ такою ловкостью, какъ онъ, и никто лучше его не могъ найтись во время опасности. Всѣ видѣли его изнемогавшимъ отъ труда, но никто никогда не слышалъ, чтобы онъ пожаловался на свою судьбу.

— Славный малый! — говорили о немъ другіе углекопы. — Работаетъ и за себя, и за другихъ!

— Хорошій юноша! — рассказывалъ о немъ директору инженеръ. — Его надо имѣть въ виду!

Вообще инженеръ Константинъ Игнатьичъ съ перваго же дня привязался къ Володѣ. Ему нравилось, что онъ, несмотря на свои еще юные годы, уже самъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, и что такъ охотно ходилъ по вечерамъ въ школу и старался какъ можно больше узнать. Володя бывалъ у него по праздникамъ, чистенькій и одѣтый въ свой лучший костюмъ, и онъ усаживалъ его въ своемъ кабинетѣ у маленькаго стола, показывая ему разные чертежи, и объяснялъ, какъ сдѣланъ локомотивъ, какъ добываются желѣзо или нефть, или же экзаменовалъ его въ томъ, что онъ прошелъ за недѣлю въ школѣ. Володя любилъ бывать у инженера и въ особенности ему нравилось, когда къ нему въ кабинетъ входила его жена Елена Петровна; она садилась въ кресло и молча прислушивалась ко всему, что говорилъ ей мужъ. Подавали чай, причѣмъ Володя

тоже получалъ стаканъ, и ему льстило, что съ нимъ обращались, какъ съ большимъ. Со стаканомъ въ рукѣ и прихрамывая, инженеръ ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету и рассказывалъ, а его жена и Володя слушали его, не отрывая отъ него глазъ и стараясь не проронить ни одного его слова.

Но больше всего сблизилъ Володю съ инженеромъ слѣдующій случай.

Однажды Григорій Семенычъ былъ назначенъ на работы въ одну изъ галлерей, сосѣднихъ съ той, въ которой не такъ давно былъ пожаръ. Отъ неизвѣстной причины въ ней вспыхнула носившаяся въ воздухѣ мельчайшая угольная пыль, получился взрывъ и все кругомъ въ шахтѣ загорѣлось: пылали деревянные подпорки, загорѣлся и мелкій уголь и всѣ принятыя мѣры не привели ни къ чему: пожара такъ и не загасили совсѣмъ. Горѣніе продолжалось долгія недѣли и чтобы покончить съ нимъ, рѣшили завалить галлерею совсѣмъ. Входъ въ нее наглухо забили камнями, засыпали землей, замазали глиной и такимъ образомъ предоставили пожару погаснуть самому. Бывали дни, когда эта глиняная промазка накалялась до того, что къ ней нельзя было прикоснуться и жаромъ отъ нея несло такъ, точно отъ плиты. Рабочимъ приходилось

работать около нея въ температурѣ до 45 градусо́въ. При этомъ она была настолько удалена отъ подъемной машины, что углекопы боялись туда ходить на работу.

Совсѣмъ голый, весь обливаясь потомъ, близъ этой шахты работалъ Григорій Семенычъ и, лежа на боку въ узкой щели, вырубалъ изъ нея киркою уголь. И вдругъ у него сильно закружилась голова и дыханіе сперлось въ груди. Весь черный отъ угольной пыли, смѣшавшейся съ его потомъ, онъ бросилъ кирку и схватился за сердце. Что это съ нимъ? Неужели онъ сейчасъ лишится чувствъ? Почему не стало вдругъ хватать воздуха для его дыханія? Что это за

Онъ работалъ изъ всѣхъ силъ.

запахъ, который вдругъ сталъ распространяться по шахтѣ?

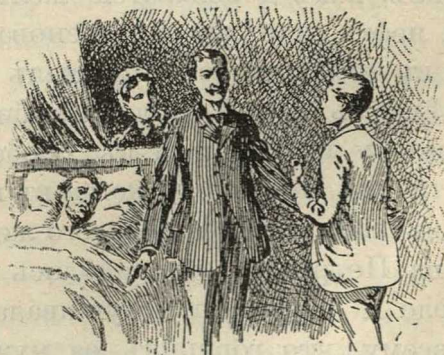
Какъ ни было трудно и дурно Григорію Семенычу, но онъ догадался, что шахта наполнилась

газомъ и что теперь достаточно одной только искры, чтобы снова случился пожаръ. Онъ пересилилъ себя и снова заработалъ кир-

Онъ поползъ до своего дяди.

кой, но ему стало казаться, что кирка вонзалась не въ уголь, а прямо ему въ голову и въ сердце. Въ вискахъ у него застучало и дыханіе снова остановилось въ въ груди. И вдругъ онъ замѣтилъ, что стала гаснуть его лампа: значить, не хватало воздуха и для нея. Онъ испугался и, кинувъ все, бросился бѣжать. Но его лампа

Инженеръ повторилъ свое предложеніе.

У лѣсного пруда.

потухла, онъ запутался въ потемкахъ и не зналъ, куда идти. Онъ ударялся въ темнотѣ плечами о стѣны и головою о потолокъ, падалъ, поднимался и падалъ снова. Наконецъ онъ, испустилъ пронзительный крикъ и лишился чувствъ.

Въ это время въ одной изъ соедѣнныхъ галлерей работалъ Володя. Заслышавъ крикъ, онъ вздрогнулъ, прислушался и понюхалъ воздухъ. Онъ показался ему подозрительнымъ.

— Стойте! крикнулъ онъ товарищамъ. — Перестаньте на минуту работать! Я сейчасъ слышалъ чей-то крикъ! Кто-то въ опасности!

Рабочіе тоже вздрогнули и тоже стали нюхать воздухъ.

— Кто-то въ опасности! закричали и они.

И всѣ они, съ Володей во главѣ, насколько хватало у нихъ силъ, побѣжали туда, откуда донесся до нихъ крикъ. Но вбѣжавши въ галлерею, они отшатнулись и зажали себѣ рты и носы.

— Въ галлереѣ газъ! закричали они. — Въ галлереѣ газъ!

Володя бросился впередъ. Но едва только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лампа у него погасла. Онъ не обратилъ на это вниманія и одинъ, въ темнотѣ, ползкомъ отправился далѣе.

— Безумный! кричали ему товарищи. — Куда-ты идешь? Остановись! Ты развѣ не видишь, что

здѣсь не горитъ даже лампа! Галлерея заражена!

Но онъ не слушалъ и все ползъ и ползъ впередъ.

— Вѣдь ты задохнешься и умрешь! кричали ему вслѣдъ. — Не глупо-ли спасать мертвеца! Вернись!

Задыхаясь отъ газа и отъ жары, думая, что вотъ-вотъ силы оставятъ его и онъ сейчасъ умретъ, Володя все ползъ и ползъ, напавшая передъ собою въ темнотѣ путь и не замѣчая, что всѣ его руки, локти и колѣни были уже въ крови и что острые осколки угля вонзались въ нихъ, какъ иглы битого стекла.

— Я спасу его, шепталъ онъ. — Я выведу его оттуда на воздухъ! Господи, помоги мнѣ! Господи, поддержи меня, пошли мнѣ силъ, чтобы я не задохнулся раньше, чѣмъ его найду!

И Богъ его услышалъ. Онъ доползъ до своего дяди, не зная, что это былъ онъ. Нашаривъ въ темнотѣ его тѣло и схвативъ себѣ въ зубы его волосы на головѣ, онъ обнялъ его за плечо рукой и тѣмъ-же путемъ поползъ обратно.

Силы оставляли его, сердце переставало биться, въ головѣ была какая-то муть и въ вискахъ стучало такъ, что нельзя было переносить. Но онъ все ползъ и ползъ и доползъ ужъ до того мѣста, гдѣ далеко-далеко въ глубинѣ, у входа въ галлерею, стояли въ страхѣ его товарищи и звали его къ себѣ.

Онъ услышалъ ихъ, громко вскрикнулъ и лишился чувствъ. Товарищи побѣжали къ нему и увидѣли два тѣла. Въ одномъ узнали Григорія Семеныча, а въ другомъ Володю. Они взяли ихъ обоихъ на руки и вынесли туда, гдѣ былъ чистый воздухъ и гдѣ о возможности катастрофы не знали еще никто.

— Превосходный малый! восхищались Володей углекопы, приводя его въ чувство. — Славный, самоотверженный мальчуган!

Онъ открылъ глаза, обвелъ ими вокругъ себя и, увидавши около себя товарищей, радостно улыбнулся.

— А тотъ... другой? спросилъ онъ. — Живъ? Онъ пришелъ въ себя?

— Живъ, живъ! крикнули ему въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ. — Твой дядя живъ и пришелъ въ себя!

Послѣ этого случая Григорій Семенычъ слегъ и долго пролежалъ больной въ постели. Когда его, полуживого, внесли къ нему въ домъ, то увидя печальную процессію, Наталія Ивановна едва устояла на ногахъ, а Настя и Нюта громко зарыдали. Явился докторъ и занялся больнымъ, а на слѣдующее утро пришли провѣдать больного самъ директоръ и Маруся. Потомъ явился и инженеръ. Отведя Наталію Ивановну въ сторонку, онъ оглядѣлся, не услышитъ ли его Володя, и сказалъ:—

— Этотъ мальчикъ совершилъ геройскій подвигъ. Онъ спасъ другому жизнь. Съ такими душевными качествами, какъ у него, оставлять его на полъ-дорогѣ нельзя. Его надо помѣстить въ горнозаводское училище и, быть можетъ, изъ него выйдетъ впоследствии инженеръ. Я доволенъ его занятіями и беру всѣ хлопоты на себя. Если согласны вы и захочетъ онъ, то я буду очень радъ вывести его на хорошую дорогу. Я самъ бездѣтенъ и мнѣ было-бы пріятно сдѣлать его полезнымъ и для васъ, и для другихъ.

Наталія Ивановна не вѣрила своимъ ушамъ и не находила словъ, какъ его благодарить.

— Володя, подойди сюда! подзвала она къ себѣ племянника.

Блѣдный, но бодрый и веселый, онъ подошелъ къ ней и инженеру.

— Выслушай, что скажетъ тебѣ сейчасъ господинъ инженеръ! сказала она и слезы потекли у нея по щекамъ.

Инженеръ повторилъ свое предложеніе.

Выслушавъ его, Володя задрожалъ отъ радости и схватилъ его за руку. Онъ не находилъ словъ, какъ его благодарить.

Со слѣдующей-же недѣли начались правильныя занятія Володи у инженера. Теперь уже онъ не каждый день посѣщалъ шахты, а только три раза въ недѣлю, и въ

тѣ дни, когда онъ былъ не подъ землей, онъ имѣлъ достаточно свободнаго времени для того, чтобы поучиться у инженера, и отдохнуть и повидаться съ Марусей. Часто и она приходила къ Наталіи Ивановнѣ и играла съ Нюшей и, по видимому, была очень довольна ея компаніей. Когда-же въ ихъ играхъ принималъ участіе и Володя, то она сразу расцвѣтала и приходила въ восторгъ отъ каждой его затѣи. Она по прежнему питала привязанность къ Пѣтушку и часто спускалась съ Володей въ шахты, чтобы лишній разъ приласкать эту лошадку и дать ей кусочекъ сахару. Лошадка тоже привыкла къ ней и всякій разъ встрѣчала ее веселымъ ржаніемъ. Волчекъ по прежнему ни на шагъ не отходилъ отъ Володи, а поселившаяся у Маруси сорока часто прилетала къ Наталіи Ивановнѣ, хватала у нея какой-нибудь блестящій предметъ, пуговицу, наперстокъ или просто гвоздикъ и улетала съ нимъ обратно къ своей новой госпожѣ.

— Вѣдь вотъ какая плутовка! ворчала на нее Наталія Ивановна, когда Маруся приносила ей обратно украденный Пулькой предметъ.—Такъ и норовить, какъ-бы что-нибудь стащить! Впрочемъ, сороки всѣ таковы! Не могутъ видѣть равнодушно ничего, что блестятъ!

Однажды Пулька утащила у На-

таліи Ивановны пузыречекъ съ валеріановыми каплями и принесла его къ Марусѣ. По этому поводу долго смѣялись и такъ какъ валеріановыя капли принимаютъ отъ нервнаго разстройства, то прозвали сороку „нервной дамой“.

— Такъ эта нервная дама перетаскаетъ у меня все! говорила Наталія Ивановна.

Наступила осень, задулъ рѣзкій вѣтеръ и съ неба стали срываться снѣжинки. Дни стали короче и въ воздухѣ повѣяло той грустью жизни, которая обыкновенно чувствуется, когда выйдешь въ поле въ концѣ октября. Наталію Ивановну давно уже беспокоилъ вопросъ о шубкѣ для Нюши и, послѣ долгаго раздумья, она рѣшила наконецъ достать изъ сундука свою старую бѣличью шубу, которую не носила уже давно и которую берегла въ приданое для Насти.

— Дѣлать нечего, сказала она со вздохомъ.— Не бѣгать-же дѣвченкѣ вовсе безъ пальто! Пусть Настя носитъ эту шубку теперь, а изъ Настинаго пальто я постараюсь сдѣлать что-нибудь для Анюты.

И, выждавъ удобную минуту, когда всѣ были на работѣ и она оставалась дома одна, она забрехала ключами, отперла давно уже не отпиравшійся сундукъ и стала вытаскивать изъ него разныя шерстяныя вещи. Запахъ нафталина, махорки и камфоры понесся вдругъ

по комнатѣ и наполнилъ ее всю. Наталія Ивановна была довольна: значить, въ сундукѣ моль не завелась и было все цѣло и не испорчено.

— Вотъ такъ запахъ! улыбнулась она.—Тутъ не только издохнетъ моль, а очумѣетъ и человѣкъ! Какъ бы не разболѣлась голова!

И она отворила настежь дверь въ сѣни и принялась за разборку вещей. Вотъ шуба и шапка ея мужа, вотъ ея старый ватный капотъ, вотъ капоръ и муфточка Насти, когда ей было еще только шесть лѣтъ, а вотъ, на самомъ днѣ сундука, и бѣличья шубка...

Наталія Ивановна бережно взяла ее, стряхнула съ нея табакъ и, подойдя къ окну, осмотрѣла ее со всѣхъ сторонъ.

— Слава Богу, цѣла... сказала она.

Всѣ вещи лежали на столѣ и на стульяхъ и теперь сундукъ былъ пустъ. Наталія Ивановна подошла къ нему и заглянула внутрь. Двѣ крупныя слезы покатались у нея по щекамъ и она глубоко вздохнула. На самомъ днѣ она увидала тѣ самыя рубашечку и чепчикъ, въ которыхъ когда-то давно-давно ей подкинули Анюту. Тутъ-же лежалъ и золотой крестъ, который нашли у ребенка на груди. Она взяла крестъ, поцѣловала его и затѣмъ бережно и съ благоговѣніемъ положила его обратно на прежнее мѣсто и, отойдя къ

сторонкѣ, стала снова осматривать бѣличью шубку и соображать, гдѣ что нужно передѣлать и гдѣ придется вставить новый мѣхъ. И пока она такъ соображала, въ открытую дверь черезъ сѣни влетѣла къ ней сорока и стала важно расхаживать по полу.

— Ну, что, нервная дама? обратилась къ ней Наталія Ивановна.— Какъ поживаешь? Нравится-ли тебѣ у твоей новой госпожи?

И все еще занятая своими думами, она и не замѣтила, какъ сорока вскочила въ сундукъ, схватила изъ него золотой крестъ и вылетѣла съ нимъ черезъ дверь.

Затѣмъ она уложила всѣ вещи обратно, пересыпала ихъ вновь нафталиномъ и табакомъ, заперла сундукъ и, довольная, что исполнила такое важное дѣло, къ которому почему-то боялась такъ долго приступить, отправилась въ свою кухню и стала готовить для своихъ близкихъ обѣдь.

А тѣмъ временемъ Маруся сидѣла у себя на террасѣ и шила для своей куклы капоръ.

Дуль вѣтеръ, было холодно и ея озябшіе пальцы едва держали иглу, какъ вдругъ около нея появилась сорока и, важно подойдя къ ней, положила у ея ногъ золотой массивный крестъ.

— Что это такое? испугалась Маруся.—Откуда ты его взяла?

И привыкшая уже давно къ тому, что сорока приносила ей

всевозможныя вещи отъ Наталіи Ивановны, она тотчасъ-же вско-чила, продѣла въ ушко креста ленточку, повѣсила его себѣ на шею поверхъ пальто и побѣжала къ Володѣ.

— Такъ лучше... сказала она. — Если крестъ будетъ висѣть у меня на шеѣ, то я его скорѣе не потеряю!

И со всѣхъ ногъ она пустилась черезъ садъ къ воротамъ.

— Папа дома? вдругъ спросилъ ее у калитки инженеръ Константинъ Игнатьевичъ, шедшій къ ея отцу.

— Дома! отвѣтила она ему и хотѣла бѣжать дальше.

Но онъ ее остановилъ.

— Что это на тебѣ? спросилъ онъ ее.

— Крестъ! отвѣтила она.

Онъ оглядѣлъ крестъ съ всѣхъ сторонъ, и вдругъ руки его задрожали и онъ почувствовалъ, какъ земля заколебалась подъ его ногами и какъ все въ его глазахъ подалось куда-то въ бокъ.

— Откуда ты его взяла?

Но она спѣшила, вырвалась отъ него и побѣжала своей дорогой.

Онъ прислонился къ рѣшеткѣ забора и боясь, какъ бы не упасть, взялся рукой за лобъ.

— Боже мой!.. проговорилъ онъ затѣмъ. — Неужели она наплась, неужели это она, моя дочь?

И овладѣвъ собою, онъ долго еще стоялъ у калитки и глядѣлъ ей вслѣдъ.

Дуль вѣтеръ и снѣжинки медленно спускались на землю.

А. Ж.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ МОРОЗНУЮ НОЧЬ.

Морозъ. Луна. Ужъ на селѣ
Заснули всѣ. Блестятъ снѣжинки
И тонкой кистью на стеклѣ
Морозъ выводитъ паутинки.

Свѣтло, какъ днемъ. Ни облачка.
Не видно звѣздъ на небѣ чистомъ
И вѣтки голыя слегка
Одѣты инеемъ пушистымъ.

Какъ всюду видно вдалькъ!

Чу! Вотъ раздался лай собачій...

Хруститъ снѣжокъ и въ башлыкѣ

Проходитъ сторожъ мимо дачи...

Ирисъ.

ДВѢ СЕСТРЫ.

(СКАЗКА).

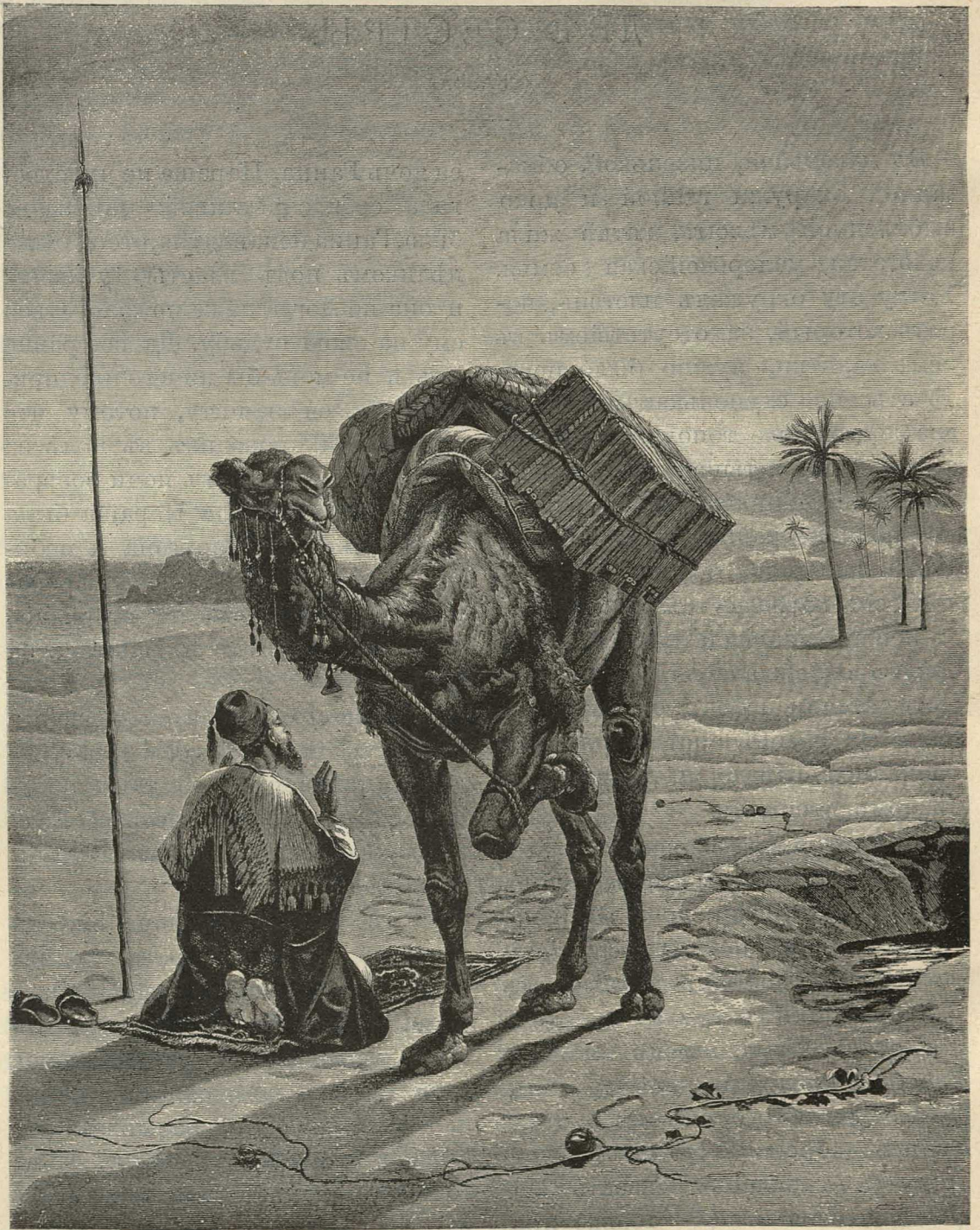
Въ маленькой, низенькой, обмазанной снаружи глиной и ярко выбѣленной мѣломъ, хаткѣ жила небогатая малороссійская семья. Хатку эту окружалъ плетень, черезъ который, за отсутствіемъ въ немъ калитки, нужно было перелезать по ступенькамъ. Стояли два долговязые тополя, на крышѣ зрѣли дыни и тыквы и на солнечной стѣнѣ, широко раскинувшись, росла виноградная лоза. Среди двора находился обычный въ Малороссіи колодезь съ журавлемъ, въ непересыхавшей лужѣ, лежа на боку, прохлаждалась свинья и кругомъ бѣгали гуси, утки и поросята. На крышѣ аистъ свилъ свое громадное гнѣздо и высиживалъ въ немъ птенцовъ.

Не смотря на казавшееся благополучіе, эта семья жила бѣдно. Отецъ и старшая дочь Параша трудились, не покладая рукъ, и все несли въ домъ, тогда какъ мать и ея любимица — младшая дочь Ганна не дѣлали ничего и только тратили послѣднія деньги на наряды. Кромѣ того, обѣ онѣ не отличались добротой и мачеха каждую минуту старалась показать Парашѣ, что ея отецъ — только простой работникъ и что главные члены всей семьи — это она, мачеха, и

ея дочь Ганна. Параша не чувствовала себя счастливой: мачеха ее била, Ганна ненавидѣла, отецъ былъ цѣликомъ подъ властью у жены и она не могла даже пожаловаться ему на свою судьбу. Да все равно онъ и не могъ-бы ничего предпринять въ ея защиту, потому что цѣлые дни проводилъ въ полѣ за работой и только къ ночи возвращался домой, когда Параша была достаточно уже изругана и избита. Но она съ терпѣніемъ переносила все непріятности, старалась забыться въ трудѣ и работала за троихъ.

— „Ничего, думала она, — все это пройдетъ! Онѣ поймутъ! Онѣ убѣдятся наконецъ, что такъ обращаться съ людьми нельзя! Если не жалѣютъ меня, то пожалѣли-бы хоть отца!“

И съ утра и до ночи она таскала воду, носила дрова, топила печи, ухаживала за скотиной, а когда наступалъ вечеръ, то готовила для мачехи и сестры постели, взбивала ихъ подушки и пуховики и, какъ только онѣ засыпали, начинала стирать ихъ бѣлье. И въ то время, какъ Ганна веселилась и пѣла съ подругами на вечерницахъ, гдѣ собиралась вся деревенская молодежь, Параша должна

Молитва въ пустынь.

На ко́лѣняхъ у мамы.

была сидѣть дома и ткать еще полотно. Ганна только болтала и смѣялась.

Однажды Параша соткала кусок полотна и разостлала его бѣлить на солнцѣ. Обыкновенно такъ всегда дѣлають въ Малороссіи: тамъ разстилають сѣрое, только что сотканное полотно на траву и черезъ нѣсколько дней, подѣ влияніемъ дѣйствія солнечныхъ лучей, оно становится совершенно бѣлымъ. Ганна перелѣзла черезъ плетень, увидала это полотно, украдала его, скатала въ трубку и побѣжала съ нимъ къ матери.

— Посмотри, мама, сказала она, — сколько я наткала полотна!

Мать похвалила ее и долго еще потомъ онѣ кроили изъ него себѣ рубашки.

— Ну, а ты, лѣнивица? обратилась къ Парашѣ мачеха, — долго еще ты будешь сидѣть безъ дѣла и ѣсть даромъ хлѣбъ? Хоть-бы наткала рогожи, когда не умѣешь ткать полотно!

И не желая слушать ея возраженій, злая женщина больно ее побилла.

Парашѣ было горько и обидно за свое полотно. Но дѣлать было нечего и она покорно побрела въ чуланчикъ и снова усѣлась за ткацкій станокъ.

Однажды мачеха и сестра такъ набросились на нее и такъ были къ ней несправедливы, что Параша не смогла уже долѣе снести обиды и рѣшилась бѣжать.

— Уйду... рѣшила она.— Хуже не будетъ! Больше ужъ не хватаетъ моихъ силъ!

Она ничего не сказала отцу изъ боязни, чтобы онъ ее не задержалъ, и тихонько отъ него и отъ своихъ обидчиць, стала собирать свои вещи и увязывать ихъ въ узелокъ. Онъ оказался не великъ. Вышитыя крестикомъ рубашки, яркихъ цвѣтовъ юбки и шелковыя ленты, которыя малороссійскія дѣвушки обыкновенно вплетаютъ себѣ въ косы, — все это было не для нея. Она ходила въ черномъ тѣлѣ и все ея имущество состояло изъ лохмотьевъ.

Поздно ночью, поцѣловавъ на прощанье своего спавшаго отца, Параша убѣжала изъ дому. Она шла, сама не зная куда, и держала путь, куда глядѣли ея глаза. Долго-долго она шла. Настало утро Засіялъ солнечнымъ свѣтомъ день, спустился затѣмъ вечеръ, а она не присѣла еще ни разу. Только тогда, когда засвѣтили уже звѣзды, она осмѣлилась немного отдохнуть. Посидѣвъ немного, она снова отправилась въ путь и шла до самаго утра. Кругомъ раскинулась широкая, безлюдная степь, на которой не росло ни одного деревца и не попадалось ей ни одной живой души.

— Параша, Параша! вдругъ услышала она чей-то голосъ.

Она оглядѣлась по сторонамъ. Но кругомъ по прежнему не было

никого. Думая, что она ослышалась, она стала продолжать свой путь.

— Параша, Параша! вновь повторился крикъ.

На этотъ разъ она уже не обманулась. Она была теперь увѣрена, что кто-то дѣйствительно ее звалъ, и стала приглядываться ко всякому предмету, темнѣвшему въ необъятной дали степи.

„Кто-бы это меня могъ звать?“ подумала она.

Невдалекѣ былъ овражекъ и по дну его струился ручеекъ. Около него росла груша, но теперь она лежала на боку съ вывороченными изъ земли корнями и съ поломанными и перепутанными вѣтвями. Параша подошла къ ней, прислушалась и тутъ только поняла, что это звала ее груша.

— Это ты меня зовешь? обратилась она къ ней.—Что тебѣ нужно отъ меня, бѣдное грушевое дерево?

— Посмотри на меня и пожалѣй, отвѣтило грушевое дерево. Вчера промчался здѣсь ураганъ, изломалъ мои вѣтки и вырвалъ меня съ корнемъ изъ земли. Если ты не поможешь мнѣ, то солнце иссушитъ мои корни, сожжетъ мои листья и я погибну!

— Подожди немного и не печалься, сказала Параша. Я сейчасъ тебѣ помогу.

И она раскопала руками землю, выпрямила грушевое дерево, завалила его корни землей, и чтобы снова не побезпокоилъ его вѣтеръ,

обложила его сверху камнями. Затѣмъ она расправила его вѣтки, обрѣзала на нихъ изломанные концы, сбѣгала на ручеекъ, принесла изъ него въ пригоршняхъ воды, полила дерево, и пошла своей дорогой.

— Спасибо тебѣ! крикнула ей вслѣдъ груша.— За то, что ты добра, смиренна и любишь трудиться—твое счастье еще впереди! За то, что ты имѣла жалость не только къ людямъ, но и къ деревцу, ты еще получишь свою награду. Счастье добывается только трудомъ и добротой.

Параша не слышала ее и все шла и шла, куда глядѣли ея глаза. И вдругъ она увидѣла среди поля заброшенную, оставленную кѣмъ-то печь.

— Параша, Параша! закричала ей печь.

— Что тебѣ нужно? отвѣтила ей дѣвочка.

— Я здѣсь стою уже нѣсколько лѣтъ, сказала печь, — и каждый проходившій мимо меня усталый путникъ всегда находилъ во мнѣ что нибудь для себя поѣсть. Теперь во мнѣ вывалился гдѣ-то кирпичъ, въ трубу перестало тянуть, дрова не горятъ и я полна золы. Не смотря на всѣ мои усилія, я перестала варить и печь и теперь бѣдные путники такъ и остаются голодными и проходятъ мимо безъ ѣды! Пожалѣй меня и ихъ.

— Не горюй! отвѣтила ей Параша.— Я сейчасъ влѣзу въ тебя и посмотрю, гдѣ въ тебѣ вывалился кирпичъ.

И положивъ въ сторону свой узелокъ, она влѣзла въ печь, пробралась въ самую трубу, нашла то мѣсто, откуда вывалился кирпичъ, вмазала его, выгребла золу, и отправилась затѣмъ въ свой далекий, неизвѣстный путь.

— Спасибо тебѣ! крикнула ей вслѣдъ печь.— За то, что ты позаботилась о другихъ и предоставила имъ возможность утолять свой голодъ, — твое счастье еще впереди. Счастье добывается только трудомъ и добротой! Теперь ты накормила тысячи людей.

Черезъ нѣкоторое время Параша дошла до заброшеннаго колодца.

— Пожалѣй меня, красна дѣвица! обратился къ ней колодецъ.— Вотъ уже нѣсколько времени, какъ свалилась въ меня коза и утонула въ моей водѣ. Теперь изъ меня нельзя пить. И всѣ усталые путники, истомленные жаждой, подходя ко мнѣ, ужъ не могутъ изъ меня напиться и проходятъ далѣе. Пожалѣй меня!

— Не горюй, колодецъ! отвѣтила Параша.— Я сдѣлаю все, что смогу!

Она достала изъ узелка полотенце, опустилась по немъ въ колодецъ, схватила за рога мертвую козу и вытащила ее наверхъ. Затѣмъ она вычерпала изъ ко-

лодца всю воду, помыла въ немъ стѣны, всполоснула ихъ и отправилась своей дорогой. Въ колодецъ тотчасъ-же набѣжала чистая, какъ слеза, вода.

— Спасибо тебѣ, Параша! крикнулъ ей вслѣдъ колодецъ.— Теперь ты напоила тысячи жаждущихъ людей! А кто напоить жаждущаго или накормить алчущаго, тотъ никогда не останется безъ награды! Счастье добывается только трудомъ и добротой!

Она пошла далѣе. Настала ночь, заблестали звѣзды, ей захотѣлось спать, она устала и легла прямо на траву на ночлегъ. Когда она проснулась, то свѣтило уже солнце и вдаль виднѣлись горки и лѣса. Степь уже кончилась. Изъ-за деревьевъ виднѣлась чья-то усадьба и ласково манила ее къ себѣ. Параша поднялась съ земли, поправила на себѣ платье, умылась изъ ручейка, помолилась Богу и отправилась къ этой усадьбѣ.

— Тукъ-тукъ-тукъ! постучалась она въ дверь.

— Кто тамъ? послышался женскій голосъ.

— Это я, отвѣтила Параша.— Нѣтъ-ли у васъ какой-нибудь работы?

Ей отворила женщина.

— Кто ты? спросила она ее.

— Я одинока и бѣдна, отвѣтила ей Параша, и ушла изъ дому потому, что меня возненавидѣла моя мачеха. Нѣтъ-ли у васъ какой-ни-

будь работы, чтобы я могла жить своимъ трудомъ?

— Ахъ, милая! отвѣтила ей женщина.—Работы у меня найдется, да только справишься-ли ты съ ней? Ко мнѣ отовсюду присылають бездомныхъ, брошенныхъ дѣтей и нужно за всѣми ими ходить: кого умыть, кого причесать, кому дать поѣсть. Цѣлый день ты будешь на ногахъ, а по ночамъ они не будутъ давать тебѣ спать! О, тяжелое это дѣло ухаживать за бездомными дѣтьми!

— Ничего, сказала Параша,—я постараюсь!

Женщина ввела ее въ домъ. Здѣсь Параша увидала множество дѣтей. Одни лежали въ колыбелькахъ и сосали соски, другія, всѣ грязныя, ползали по землѣ, а третьи, лохматыя и нечесанныя, бѣгали и дрались. Кругомъ стояли плачь и крикъ. Одни дѣти стонали, другія визжали, а третьи просто кричали отъ нечего дѣлать. Но всѣ они были жалки и при первомъ взглядѣ на нихъ у Парашы отъ состраданія сжалось сердце.

— Хорошо, хозяйюшка, сказала она.—Я буду за ними ходить!

И она стала ухаживать за бездомными, брошенными дѣтьми. Цѣлые дни, съ утра и до вечера, она кормила, поила и обшивала ихъ, а когда наступала ночь, то она не смыкала глазъ и усталая, похуѣвшая отъ бессонницы и труда, просиживала до утра у колы-

бельки какого-нибудь заболѣвшаго ребенка. И всѣ дѣти полюбили ее, какъ родную мать.

Однажды хозяйка на долгое время должна была уѣхать въ городъ. Всѣхъ дѣтей она оставила на одну только Парашу и, уѣзжая, сказала ей:

— Теперь ты останешься одна. Конечно, безъ меня ты можешь уйти, куда захочешь, и бросить дѣтей на произволь судьбы, но я увѣрена, что ты этого не сдѣлаешь, потому что ты пожалѣешь ихъ и дождешься моего возвращенія.

— Не беспокойтесь, хозяйюшка, отвѣтила ей покорно Параша.—Я буду за ними ходить и безъ васъ.

Хозяйка уѣхала и вернулась только черезъ годъ. Параша такъ утомилась безъ нея, что едва передвигала ноги, и стала блѣдна и худа, какъ тѣнь. Какъ только хозяйка вошла въ дверь, такъ всѣ дѣти бросились къ ней съ радостными криками и стали ей рассказывать, какъ хорошо имъ было съ Парашей.

— Спасибо тебѣ, обратилась къ дѣвушкѣ хозяйка, когда дѣти успокоились и перестали отъ радости шумѣть.—Тебя не оставитъ за это Богъ! Кто пригрѣетъ и накормитъ сироту,—того счастье еще впереди! За то, что ты имѣла жалость къ деревцу, позаботилась о томъ, чтобы бездомные люди имѣли пищу и питье, и замѣнила собою брошеннымъ дѣтямъ мать,—ты полу-

чишь сейчас награду. Пойди-же въ амбаръ; тамъ ты увидишь нѣсколько сундучковъ. Выбери изъ нихъ любой и возьми его себѣ. Возвратись затѣмъ къ себѣ домой и живи счастливо со своимъ отцомъ! Счастье добывается только трудомъ и добротой!

Параша отправилась въ амбаръ, выбрала себѣ маленькій, простенькій сундучокъ, простилась со своей хозяйкой и побрела къ себѣ домой.

Съ сундучкомъ на спинѣ, провожаемая добрыми пожеланіями хозяйки и дѣтей, она снова вступила въ степь. И вотъ опять передъ ней потянулась пустыня безъ деревьевъ, безъ жилищъ и безъ встрѣчныхъ и попутчиковъ въ дорогѣ. Она все шла и шла, солнце было высоко и ей, наконецъ, захотѣлось пить.

— Параша, Параша! вдругъ послышался голосъ вычищеннаго ею когда-то колодца.— Попей изъ меня воды!

Она подошла къ нему, напилась изъ него чистой, кристальной воды и отправилась дальше.

Къ вечеру ей захотѣлось ѣсть. Весь свой хлѣбъ она раздала попути птицамъ и теперь ей негдѣ было его взять. И вдругъ послышался ей голосъ починенной ею когда-то печи:

— Параша, Параша! Поѣшь моего пирога, покушай моихъ щей!

Она подошла къ печи, поѣла пирога и щей и, такъ какъ наступила

уже ночь и было холодно, то она залѣзла на нее и отлично выспалась на ней до утра въ теплѣ.

Въ слѣдующій полдень Параша проходила уже мимо грушеваго дерева. Теперь оно уже разрослось и все было покрыто спѣлыми плодами.

— Отвѣдай моихъ плодовъ! предложило ей дерево.— Всѣ они принадлежатъ тебѣ, потому что, если бы не ты, то не существовало-бы теперь и меня.

Параша поѣла вкусныхъ грушъ, отдохнула въ тѣни и отправилась затѣмъ ва дальнѣйшій путь.

На другой день къ вечеру она уже подошла къ своему дому. Какою радостью забилось ея сердце! Сейчасъ она увидитъ своего отца, своихъ мачеху и сестру и прижметъ ихъ всѣхъ къ своему сердцу: она не видѣлась съ ними уже такъ давно! Что за дѣло, что мачеха и сестра всегда такъ грубо съ ней обращались! Она позабыла объ этомъ уже давно и теперь готова была обѣихъ ихъ ласкать и любить, какъ родная дочь и сестра!

И она съ трепетомъ отворила дверь и вошла къ себѣ въ хатку. Къ ней бросился отецъ, онъ узналъ ее и слезы радости потекли у него по щекамъ. Мачеха и Ганна надулись и холодно приняли ея поцѣлуи.

— Что это ты принесла? указала наконецъ мачеха на сундучокъ.

— Не знаю, скромно отвѣтила ей Параша и опустила сундучокъ на глиняный полъ.

Обѣ женщины бросились къ нему, открыли его и такъ и ахнула отъ изумленія. Сундучокъ весь былъ полонъ драгоценныхъ камней. Увидѣвъ ихъ, мачеха и Ганна измѣнились вдругъ въ лицѣ и не знали, въ первую минуту, какъ поступить. А затѣмъ онѣ стали обнимать и цѣловать Парашу, взяли ее за руки и усадили ее на почетное мѣсто.

— Мы всегда тебя такъ горячо любили! сказали онѣ. — Мы такъ скучали по тебѣ, когда ты ушла изъ дома, и такъ о тебѣ горевали! Какъ хорошо, что ты пришла!

Но къ нимъ подошелъ съ негодованіемъ отецъ Парашы, оттолкнулъ ихъ отъ нея, взявъ свою дочь за руку, взвалилъ сундукъ къ себѣ на плечи и оба они направились къ двери.

— Пойдемъ, Параша! сказалъ онъ. — Не вѣрь имъ, онѣ обѣ врутъ! Когда тебя не было дома, то онѣ только радовались, а какъ только увидѣли тебя сейчасъ въ окно, то даже испугались, что ты возвращаешься домой. Пойдемъ, оставимъ ихъ однихъ! Не люблю я ненависти и лжи!

И онѣ ушли изъ дома, поселились въ другомъ мѣстѣ, купили себѣ усадьбу, завели свое собственное хозяйство и зажили счастливо. Скоро Параша вышла за

мужъ за хорошаго человѣка и стала заботливо воспитывать своихъ дѣтей.

А мачеха и Ганна, остались однѣ и не умѣя работать, скоро обѣднѣли совсѣмъ и никто изъ сосѣдей не захотѣлъ имъ помочь, потому что обѣ онѣ были злы и никто ихъ не любилъ.

— Знаешь, что? обратилась однажды Ганна къ матери. — Пойдука и я искать своего счастья въ степь! Уже если такая дура, какъ Парашка, и могла заработать себѣ цѣлый сундукъ драгоценныхъ камней, такъ я уже и подавно добуду себѣ ихъ два!

Мать одобрила это ея рѣшеніе и, взявши котомочку, Ганна отправилась въ дорогу.

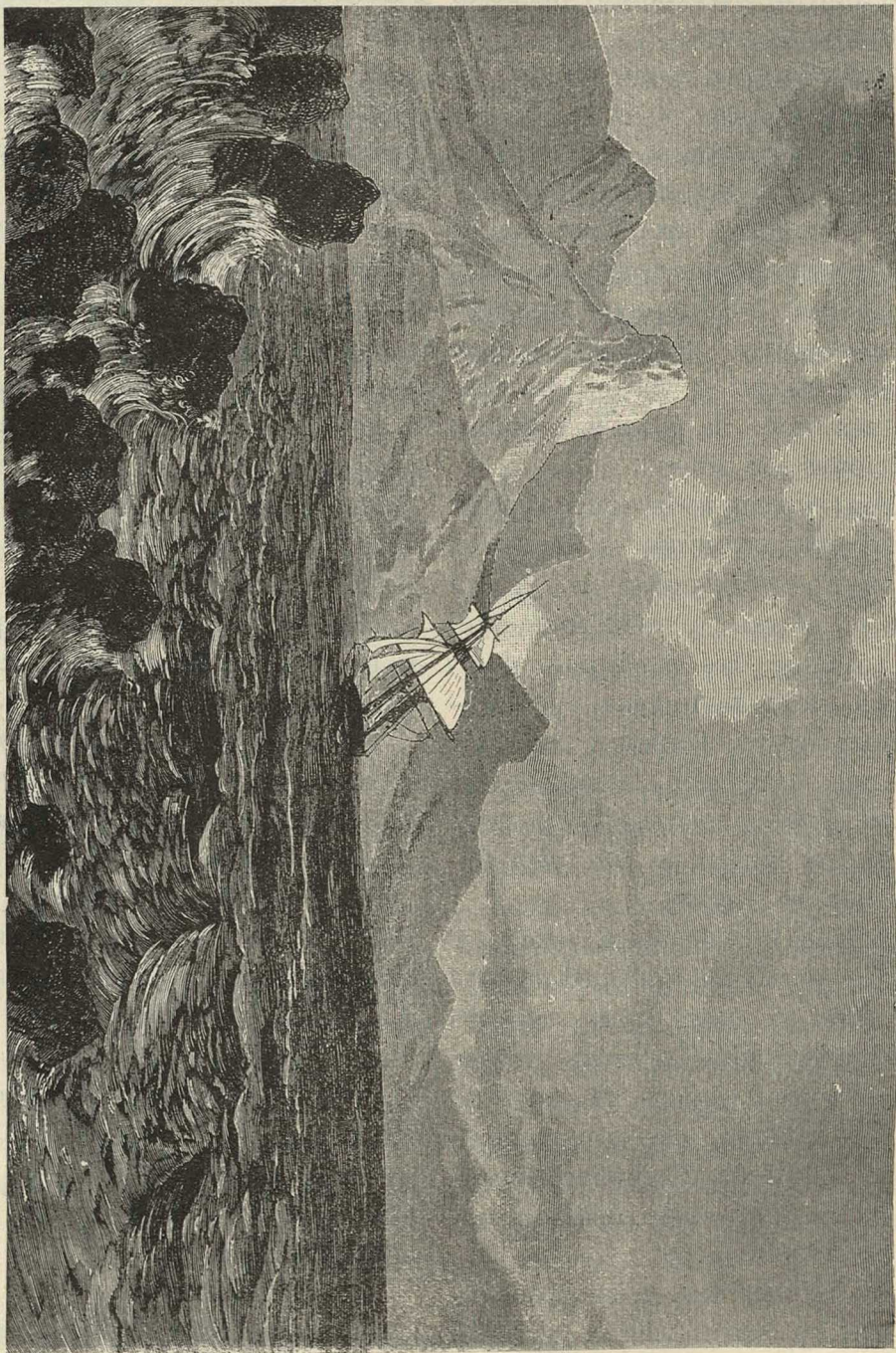
И такъ-же, какъ когда-то и Параша, она встрѣтила по пути вырванное съ корнемъ изъ земли грушевое дерево.

— Помоги мнѣ, Ганна! обратилось къ ней дерево. — Если ты не посадишь меня обратно въ землю, то я погибну и перестану приносить плоды!

— Я не садовникъ, чтобы сажать деревья, отвѣтила ей дѣвушка; — къ тому-же я и не желаю пачкать себѣ руки! На это есть прислуги!

И она пошла далѣе.

— Помоги мнѣ, красавица! возлился ей колодець. — Вытащи изъ меня утонувшую козу! Вѣдь людямъ нечего изъ меня пить!

У береговъ Камчатки.

— Что ты, что ты? воскликнула съ гадливостью Ганна.—Чтобы я стала брать въ руки дохлятину! Да съ чего это ты взялъ?

— Но ты подумай о тѣхъ людяхъ, которымъ хочется пить! продолжалъ колодець.

— Пусть каждый думаетъ о себѣ!

— Но ты подумай только о тѣхъ людяхъ, которымъ нечего ѣсть! воскликнула печь.

— Пусть каждый думаетъ о себѣ! отвѣтила Ганна и пошла своей дорогой.

Но вотъ и тотъ домъ, гдѣ Параша когда-то няньчила дѣтей и

Въ первый разъ на представленіи въ кинематографѣ.

отвѣтила Ганна и отправилась далѣе.

Наступилъ вечеръ.

— Ганна, Ганна! обратилась къ ней печь.—Выгреби изъ меня золу и задѣлай во мнѣ дыру! Гдѣ-то вывалился изъ меня кирпичъ!

— Вотъ нашла себѣ трубочиста и печника! огрызнулась Ганна.— Стану я пачкаться въ твоей трубѣ!

получила за это сундучекъ драгоценныхъ камней. Теперь-то Ганна сразу разбогатѣетъ и получитъ ихъ два!

И она постучалась въ дверь. Ей отворила та-же хозяйка.

— Чего тебѣ, милая дѣвушка, спросила она ее,—и кто ты такая?

— Я слышала, что у васъ здѣсь даютъ по цѣлымъ сундукамъ дра-

гоцѣнныхъ камней, отвѣтила ей Ганна. — Дайте ихъ и мнѣ!

Женщина нахмурилась и укоризненно покачала головой:

— А не поможешь-ли ты мнѣ покачать бездомныхъ дѣтей? спросила она ее.

— Бездомныхъ дѣтей? удивилась Ганна. — Да зачѣмъ-же ихъ качать, когда они ничьи?

— Но вѣдь жалъ не только ихъ, но даже и простыхъ щенятъ!

— Вотъ нашла, когô жалѣть! Мы съ матерью топимъ щенковъ въ помойномъ ведрѣ!

Женщина нахмурилась еще болѣе.

— Такъ зачѣмъ-же ты собственно ко мнѣ пришла? спросила она Ганну.

— Не дадите-ли вы мнѣ сундукъ? отвѣтила дѣвушка.

Женщина рыташила изъ кармана ключъ.

— Возьми этотъ ключъ, сказала она, — пойди въ амбаръ, отопри его и выбери себѣ лю-

бой. Можешь даже взять ихъ себѣ два.

Ганна взяла отъ нея ключъ и съ радостью побѣжала въ амбаръ. Тамъ она выбрала себѣ самый большой, взвалила его себѣ на плечи и побрела домой. Всю дорогу ей негдѣ было попить и поѣсть, не на чемъ было погрѣться отъ холода и укрыться отъ жары.

А когда она, полуживая, добралась наконецъ до своей хаты, вошла въ нее и вмѣстѣ съ матерью открыла сундукъ, то въ немъ оказались только змѣи, гады и пауки.

Обѣ онѣ съ испугомъ отбѣжали въ сторону. Когда-же всѣ эти животныя вылѣзли изъ сундука и расползлись по всему полу и по всѣмъ угламъ, то Ганна со страхомъ подошла къ сундуку и заглянула въ него внутрь. Не положены-ли драгоценныя камни на дно? Но вмѣсто нихъ она увидала тамъ слѣдующую надпись:

„Что ты посеяла, то и жни“.

Гіальмаръ.

„ЗООЛОГИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ“.

I.

Глубокая осень. Нависли тучи и вотъ уже нѣсколько сутокъ подрядъ идетъ мелкій, проникающій до костей дождь. Несмотря на полдень, такъ сумрачно, что въ магазинахъ зажжены огни. Дуетъ рѣзкій вѣтеръ и во всей природѣ такъ

грустно и непривѣтливо, что хочется сидѣть дома и вспоминать о лѣтѣ, о зеленыхъ деревьяхъ и цвѣтахъ.

На окошкѣ „Зоологическаго магазина“ стоитъ клѣтка. Въ ней сидитъ, согнувшись маленькая, сѣ-

ренькая обезьянка и печальными глазками глядитъ на зѣвакъ, которые, несмотря на дождливую погоду, столпились у окна снаружи и дразнятъ ее. Рядомъ съ этой клѣткой стоитъ другая, поменьше, и въ ней, нахохлившись и подсунувъ голову подъ плечо, дремлетъ зеленый попугай. Кругомъ по стѣнамъ развѣшаны маленькія клѣточки и въ нихъ съ жердочки на жердочку прыгаютъ взадъ и впередъ чижики, снѣгири и другія мелкія пѣвчія птички. За прилавкомъ сидитъ хозяинъ и ждетъ покупателей, а у двери стоитъ мальчикъ, только недавно привезенный изъ деревни и отданный къ нему въ ученье. Покупателей нѣтъ и оба они скучаютъ отъ бездѣлья. Мальчику давно уже надоѣло чирканье птицъ и эти слякоть и бездѣльное стояніе у двери и ему ужасно хочется назадъ къ себѣ въ деревню, гдѣ нѣтъ ни мостовыхъ, ни высокихъ домовъ, ни этихъ „Зоологическихъ магазиновъ“, въ которыхъ лишаютъ свободы бѣдную божью тварь. И, глядя на нахохлившагося попугая, онъ часто задавалъ себѣ вопросъ: о чемъ онъ такъ долго думаетъ? Что, если-бы онъ и вотъ эта обезьяна могли рассказать ему о томъ, что они видѣли на своемъ вѣку и что испытали? Вѣдь они пріѣхали сюда такъ издалека и родились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не бываетъ зимы и постоянно свѣтитъ яркое, ласковое солнце!

Проходитъ часъ-другой... Являются три или четыре покупателя, покупаютъ себѣ для чего-то чижей и синицъ и уходятъ. Затѣмъ тянутся длинные, томительные вечерніе часы и наконецъ хо-

зяинъ запираетъ магазинъ и уходитъ къ себѣ домой.

— Ванюшка, обращается онъ къ мальчику передъ уходомъ. — Сегодня ты заночуешь здѣсь, въ магазинѣ... У насъ повадились ходить крысы. Какъ только ты услышишь ночью переполохъ, такъ тотчасъ-же вставай и зажигай огонь! Онѣ испугаются и убѣгутъ.

Ванюшка ложится въ коморкѣ за магазиномъ на мѣшокъ съ кормомъ для птицъ и тотчасъ-же засыпаетъ. Въ окошко свѣтитъ съ улицы фонарь и мѣшаетъ обезьянкѣ спать. Дождь хлещетъ по стекламъ и капли его одна за другой скатываются внизъ. Въ магазинѣ тихо и тоскливо. Слышно, какъ тикаютъ часы, какъ сопить въ соседней каморкѣ Ванюшка и какъ во снѣ шевелится въ своей тѣсной клѣточкѣ какая-нибудь птичка, которой приснилось, что она на волѣ и захотѣлось вдругъ полетать.

— Ты спишь, попка? вдругъ обращается среди ночи къ попугаю обезьянка.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ попугай и вытаскиваетъ голову изъ-подъ крыла — А что?

— Мнѣ грустно и не спится.. Расскажи мнѣ что-нибудь!.. У меня тоска

— Что-же мнѣ тебѣ рассказать?

— Расскажи, какъ ты сюда попалъ! Часто-ли ты вспоминаешь о нашей родинѣ? Вѣдь мы съ тобою изъ однихъ и тѣхъ-же мѣстъ! Богомъ такъ устроено, что гдѣ живутъ обезьяны, тамъ непременно попадаютъ и попугаи, и наоборотъ — гдѣ живутъ попугаи, тамъ непременно есть и обезьяны. Кто ты? Изъ какихъ ты мѣстъ?

Попка поднялъ лапку, почесалъ

ею себѣ затылокъ и началъ свой рассказъ:

— Я — изъ древняго рода тѣхъ самыхъ попугаевъ, благодаря которымъ когда-то была открыта Америка. Ты, можетъ быть, слышала о Христофорѣ Колумбѣ? Въ поискахъ за новой землей онъ все плылъ и плылъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ по Атлантическому океану и, кто знаетъ? — доплылъ-ли бы онъ когданибудь до земли, если-бы не стая моихъ предковъ — попугаевъ, которая пролетѣла однажды надъ его кораблями съ Сѣвера на Югъ? Спутникъ Колумба — Пэнсонъ указалъ ему на нихъ, корабли поплыли вслѣдъ за ними и скоро оказались недалеко отъ земли. Когда Колумбъ высадился на берегъ, то мои предки были въ такой дружбѣ съ мѣстными индѣйцами, что стаями ходили около ихъ хижинъ, какъ здѣшнія куры, наполняли воздухъ своими радостными криками и играли съ ихъ дѣтьми, какъ здѣшніе щенки.

— Дѣтей человѣка любимъ и мы, сказала со вздохомъ обезьяна — Я помню, какъ у меня на родинѣ, гдѣ только соберутся ребяташки, тамъ всегда къ ихъ компаніи примажутся двѣ или три обезьяны и начинается всеобщая игра... Дѣти человѣка такъ-же добры, просты и искренни, какъ и мы...

— Я помню себя въ большомъ тропическомъ лѣсу, продолжалъ попугай. — Кругомъ была роскошная растительность, высокія пальмы шелестѣли въ воздухъ своими вершинами, кругомъ цвѣли диковинные цвѣты и на ярко-голубомъ небѣ свѣтило прекрасное, теплое солнце. Мои мать и отецъ только-что вывели меня изъ дупла, въ

которомъ было ихъ гнѣздо и въ которомъ я родился вмѣстѣ съ моей сестрой. Она была такого-же ярко-зеленаго цвѣта, какъ и я. Обыкновенно попугаи выводятся парочками и только разъ въ годъ.

— „Вылѣзайте, вылѣзайте изъ дупла!“ сказалъ намъ отецъ. — „Уже пора! Вамъ пошла уже четвертая недѣля!“

Я выглянулъ на Божій свѣтъ. Прекрасное зрѣлище, которое я увидѣлъ, поразило меня. Представь себѣ дерево, все отягощенное разноцвѣтными попугаями, какъ плодами, такъ что не видно даже его зеленыхъ вѣтвей! Таково было то дерево, на которое я попалъ въ первый разъ. Всѣ попугаи кричали, передразнивали другъ друга, шумѣли и очень были похожи на васъ обезьянъ. Впрочемъ, попугай — это обезьяна среди птицъ. Мы такъ-же пользуемся прилазаніи нашими клювами, какъ вы — своими хвостами. Клювъ замѣняетъ намъ руки. Мы дѣлаемъ клювомъ все: и вѣдемъ себѣ имъ гнѣздо, и грыземъ орѣхи и цѣпляемся имъ за вѣтки. Прыгать съ вѣтки на вѣтку мы не умѣемъ и потому ты легко поймешь, какъ важенъ для насъ клювъ.

— „Скорѣе! скорѣе!“ вдругъ закричалъ одинъ изъ попугаевъ. — „Человѣкъ уже ушелъ!“

— „Это нашъ вожакъ!“ указалъ мнѣ на него отецъ. — „Онъ сейчасъ поведетъ насъ всѣхъ на плантацію воровать у человѣка кукурузу. Это очень интересно! Полети и ты!“

И дѣйствительно, вожакъ далъ намъ сигналъ и всѣ мы, сколько насъ было, массой снялись съ дерева и полетѣли на кукурузныя поля. Разставивъ по сторонамъ

сторожей, чтобы они во время могли предупреждать насъ объ опасности, мы принялись за истребленіе кукурузы. Не могу описать тебѣ, что это было за истребленіе, Мы не столько ѣли, сколько ломали и бросали, точно хотѣли насолить этимъ человѣку. Наѣвшись кукурузы, мы перелетѣли на другое мѣсто и стали истреблять тамъ ягоды и плоды. Вокругъ насъ летали очаровательныя насѣкомыя и не боялись насъ, потому что знали, что мы ими не питаемся и потому ихъ не тронемъ.

— „А теперь—на водопой!“ крикнулъ намъ нашъ жокакъ.

Мы цѣлой стаей полетѣли на рѣку и долго и много изъ нея пили. Вообще мы любимъ попить. Вода — наша стихія: попивши, мы всѣ вошли въ рѣку и стали въ ней купаться. Искупавшись въ волю, мы возвратились обратно къ себѣ на дерево и, взобравшись на самую его вершину, долго грѣлись на солнышкѣ. Прошелъ теплый, тропическій дождь, но мы его не боялись и предоставили ему мочить насъ, сколько ему было угодно. Многіе изъ насъ слетали на землю и барахтались въ пескѣ, и было забавно на нихъ смотрѣть, какъ неуклюже они ковыляли по землѣ: мы не созданы для прогулокъ на ногахъ. Послѣ дождя опять засіяло солнце, затѣмъ наступилъ полуденный зной и намъ пришлось забиться въ самую глушь деревьевъ, чтобы избавиться отъ жары: мы ее не переносимъ. Все время до вечера мы провели въ играхъ. Трудно представить себѣ болѣе общественныхъ птицъ, чѣмъ мы, попугаи. Мы не можемъ жить безъ себѣ подобныхъ и среди насъ

есть породы, которыя не переносятъ одиночества и умираютъ отъ тоски. Мы дѣлимъ другъ съ другомъ и радость, и горе; если у кого-нибудь изъ насъ погибаютъ родители, то мы не оставляемъ ихъ сиротъ на произволь судьбы и кормимъ ихъ, какъ своихъ родныхъ дѣтей. Когда какой-нибудь звѣрь нападаетъ на одного изъ насъ, то мы всѣ бросаемся на защиту къ погибающему и выручаемъ изъ бѣды часто цѣною своей собственной жизни. Но вообще враговъ у насъ мало. Самый нашъ лютой врагъ—это человѣкъ!

— Для чего-же вы ему нужны? спросила попугая обезьяна.

— Онъ учитъ насъ говорить, а его жена украшаетъ нашими крыльями свои шляпы. Ради этого они истребляютъ насъ сотнями тысячъ..

— А ты понимаешь-ли то, о чемъ говоришь?

— Нѣтъ... Я болтаю всякій вздоръ я произношу цѣлыя длинныя фразы, которыми учить меня человѣкъ, а что они значатъ, — я не понимаю...

Проѣхалъ мимо автомобиль и загремѣлъ такъ, что задрожали окна. Наверху, въ квартирѣ, заиграли на роялѣ и затопали ногами: кто-то танцевалъ. Ванюшка по прежнему сопѣлъ въ коморкѣ за магазиномъ и слышно было, какъ капли дождя ударялись о стекла. Какой-то звѣрекъ въ клеткѣ на полу жалобно замурлыкалъ. А затѣмъ снова наступила тишина.

— Въ тотъ первый мой день, снова началъ попугай,—я ночевалъ у себя въ родномъ дуплѣ. Многіе другіе попугаи, чтобы доказать мнѣ свою дружбу, тоже захотѣли

переночевать вмѣстѣ со мной и ихъ набилось у насъ въ дуплѣ столько, что не хватало мѣста и тяжело было дышать. Другіе попугаи уцѣпились когтями у входа въ наше гнѣздо и такъ и провели въ висячемъ положеніи на стволѣ дерева всю ночь. Такія сцены часто случаются у попугаевъ и въ нашихъ лѣсахъ нерѣдко можно видѣть по ночамъ деревья, на которыхъ не видно отъ попугаевъ стволовъ.

„Я нарочно описалъ тебѣ мой первый девъ, такъ какъ всѣ мои слѣдующіе дни протекли потомъ такъ-же счастливо и весело, какъ и этотъ первый.

„Черезъ два года Богъ послалъ мнѣ дѣтей. Моя жена снесла два кругленькія, бѣленькія, блестящія яичка и черезъ 21 день вывела изъ нихъ птенцовъ. Если-бы ты знала, обезьяна, какъ они были забавны и хороши! Они были совершенно голы и слѣпы, причемъ ихъ клювы были такъ велики, что занимали собою чуть не всѣ ихъ головы. Казалось, что вмѣсто головы у каждаго изъ нихъ былъ одинъ только клювъ. Мы сидѣли на яицахъ поочередно и когда вывелись у насъ птенцы, то мы такъ-же поочередно ихъ и кормили. Они ѣли немного, но развивались очень быстро, быстрѣ всякихъ другихъ птицъ на свѣтѣ: на 6-й день они уже были въ перьяхъ, на 10-й открыли глаза, а на пятой недѣлѣ мы уже вывели ихъ изъ нашего дупла и, какъ когда-то наши родители представили всему нашему обществу меня и мою сестру, такъ и мы теперь представили нашимъ друзьямъ своихъ дѣтей. Они приняли ихъ ласково и тотчасъ-же ввели въ свою среду.

Но намъ не долго пришлось радоваться на нашихъ дѣтей. Въ тотъ-же вечеръ когда мы мирно спали у себя въ дуплѣ, къ нашему дереву вдругъ неожиданно подошелъ человѣкъ и запустилъ свою руку въ наше гнѣздо. Онъ схватилъ моего дѣтеныша и, задушивъ, бросилъ его на землю.

— „Это дрянной!“ сказалъ онъ своему товарищу. — „Поищемъ лучшихъ, постарше!“

Несчастливая мать хотѣла было заступиться за своего ребенка и выскочила изъ дупла, но человѣкъ отмахнулся отъ нея такъ, что она замертво повалилась на землю. Послѣ этого онъ схватилъ меня и сунулъ къ себѣ въ мѣшокъ. Что было дальше, я уже не знаю. Остался-ли въ живыхъ другой мой птенецъ? Живъ-ли онъ? На свободѣ-ли онъ, или такъ-же, какъ и я, онъ гдѣ-нибудь тоскуетъ въ неволѣ?

Обезьяна глубоко вздохнула.

— Скоро придетъ къ намъ смерть!.. сказала она. — Я жду ее каждый день и все никакъ не могу дожидаться... Она избавитъ насъ отъ страданій.

— Можетъ быть, тебя, но не меня, отвѣтилъ попугай. — Мы живемъ по четыреста лѣтъ и даже въ неволѣ долго не можемъ умереть. Многіе изъ насъ на родинѣ помнятъ, что было триста лѣтъ назадъ... Я могъ-бы рассказать тебѣ кое-что любопытное изъ исторіи людей, но буду продолжать сейчасъ о себѣ.

Человѣкъ вынулъ меня изъ мѣшка, посадилъ въ большую клѣтку, въ которой сидѣли уже сотни другихъ такихъ же несчастныхъ попугаевъ, какъ и я, и отвезъ эту клѣт-

ку на пароходъ. Шумѣло море, качался пароходъ съ боку на бокъ, у меня болѣла отъ качки голова и когда меня привезли наконецъ въ Европу, то больше половины изъ насъ уже околѣли и были выброшены за бортъ. Меня привезли въ Гамбургъ. Здѣсь какой-то нѣмецъ купилъ меня и черезъ весь городъ повезъ къ себѣ домой. Шель снѣгъ, вся земля была бѣлая и я дрожалъ отъ холода такъ, что едва понималъ, гдѣ нахожусь и что со мной дѣлаютъ. Приѣхавъ домой, нѣмецъ посадилъ меня въ зеркальный ящикъ, въ которомъ я отражался во всѣхъ четырехъ стѣнкахъ, и каждый день училъ меня говорить. Онъ прятался за стѣнкой ящика и кричалъ:—„Попка дуракъ! Попка дуракъ!“ Видя себя въ зеркалахъ, я воображалъ, что это не я, а мои товарищи, и что это говорятъ мнѣ именно они, и повторялъ за ними: —„Попка дуракъ!“ Когда я выучился говорить, то меня продали въ звѣринецъ и стали возить меня вмѣстѣ съ другими звѣрями по городамъ. О, не могу описать тебѣ всѣхъ тѣхъ страданій, которыя пришлось мнѣ пережить въ этомъ несчастномъ звѣринцѣ! Сколько горя, сколько тупого, бесполезнаго мученія мы выстрадали тамъ всѣ, сколько безпомощной, безмолвной борьбы съ желѣзными рѣшотками мы пережили на глазахъ у праздныхъ людей, платившихъ деньги за наши мученья! Но лучше о нихъ не вспоминать!

Обезьяна закрыла передними лапками мордочку и горько заплакала. Видно было, что и она въ своей жизни испытала не мало мученій и тревогъ.

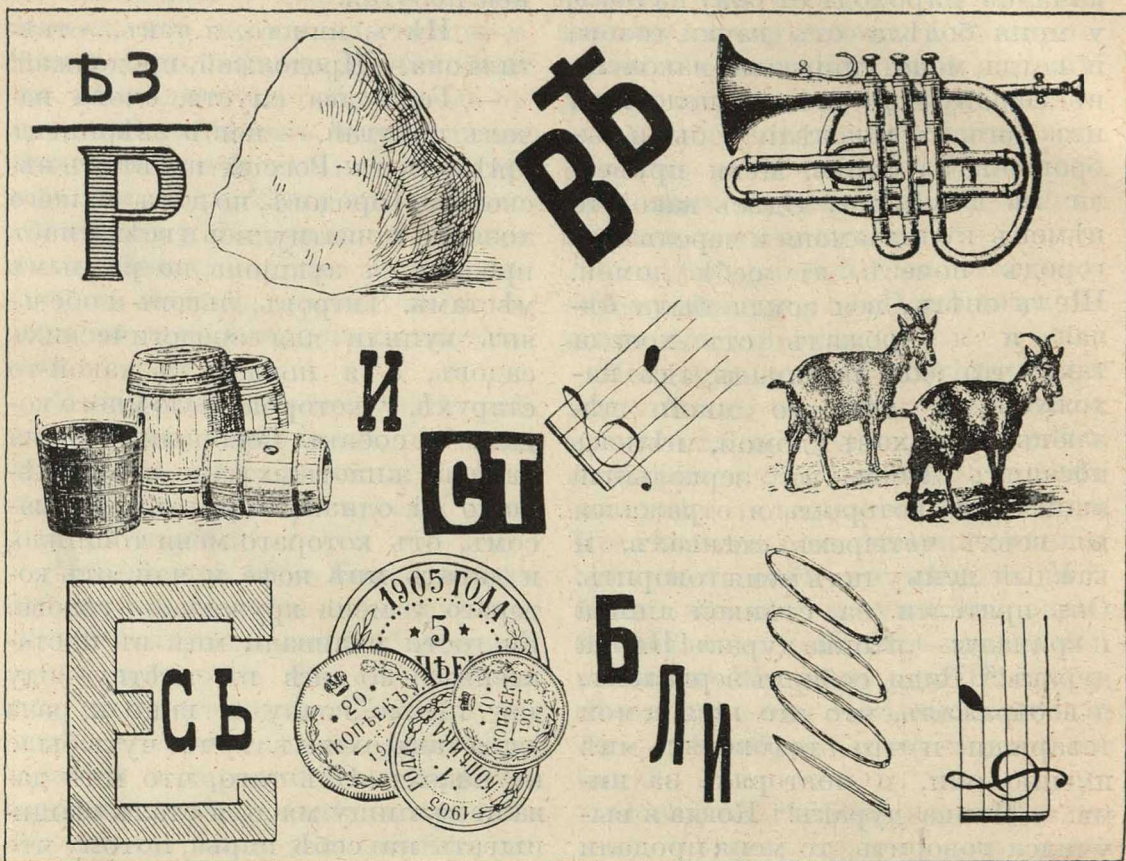
— Ты плачешь? обратился къ ней попугай.

— Нѣтъ, ничего, я такъ... отвѣтила она.—Продолжай, продолжай!

— Года два спустя, снова началъ попугай, — нашъ звѣринецъ приѣхалъ въ Россію, посѣтилъ нѣсколько городовъ, но дѣла нашего хозяина пошатнулись и всѣхъ насъ продали съ аукціона по разнымъ мѣстамъ. Тигровъ, львовъ и обезьянъ купили для зоологическихъ садовъ, а я попалъ къ какой-то старухѣ, у которой было много кошекъ и собакъ. Говорили, что она любила животныхъ, но это не мѣшало ей однако кормить меня мясомъ, отъ котораго меня тошнило, и давать мнѣ кофе и чай, отъ котораго у меня кружилась голова. Ея гости наливали мнѣ въ поставленную ко мнѣ въ клѣтку воду для питья водку и вино и раза два я такъ охмелѣлъ, что чуть было не издохъ. Отъ того, что мнѣ давали въ пищу мясо, я сталъ выпивать на себѣ перья, потому что во всемъ тѣлѣ у меня стоялъ такой зудъ, точно меня облили какою нибудь кислотой. Совершенно голаго и безобразнаго, меня вынесли въ кухню и подарили кухаркѣ. Здѣсь меня удушала запахъ жаренаго лука и сбѣжавшаго на плиту молока и я думалъ, что задохнусь отъ кухонной жары. Но кухарка выбросила меня на дворъ; здѣсь меня подобралъ старшій дворникъ и продалъ меня за гривенникъ вотъ въ этотъ магазинъ. Я снова обросъ перьями, но здоровье мое уже не то... Вѣроятно, я скоро умру!

Попугай умолкъ. Обезьяна глубоко вздохнула и снова стала плакать. Наверху опять заиграли на

Ребусъ № 3.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

рояль и долго еще было слышно потому, какъ кто-то громко топалъ ногами.

Только подь утро уснулъ попу-гай и забылась сномъ и обезьянка.

Имъ обоимъ снились Атлантиче-скій океанъ, голубое небо, теплое солнце и роскошные тропическіе лѣса.

С. Вершининъ.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса въ № 1 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) сло + н (слонъ),... ку + ни + ца (куница),... олень, гіе + на (гіена), горно + стай (горно-стай),... кротъ,... кры + са (крыса), лягу + шка (лягушка),... но + соръ + ог (носорогъ),... хо + рекъ (хорекъ).

II) По водѣ. III) Магнить, то-мать, макака, математика, факиръ,

графитъ, фрякъ, татаринъ, гитара, аромать, арфа. Задуманное слово кинематографъ. IV) Колоколь. V) Потому что имъ не даютъ булокъ даромъ.

Ребусъ № 1: Лѣ + томъ + око + л + оса + дача + сто + п + ели + дѣв + ушки = Лѣтомъ около сада часто пѣли дѣвушки.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 311

LECTURE 1

MECHANICS

1.1 Kinematics

1.2 Dynamics

1.3 Energy

1.4 Momentum

1.5 Angular Momentum

1.6 Oscillations

1.7 Relativity

1.8 Quantum Mechanics

1.9 Statistical Mechanics

1.10 Thermodynamics

1.11 Electromagnetism

1.12 Optics

1.13 Modern Physics

1.14 Final Exam

1.15 Appendix

1.16 Bibliography

1.17 Index

1.18 Glossary

1.19 Acknowledgments

1.20 About the Author

1.21 Contact Information

1.22 Copyright

1.23 Disclaimer

1.24 License

1.25 Terms of Use

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

на художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложеніе: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“

Въ нее войдетъ большая повѣсть

„Маленькій матросъ“

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.